

А. К. НЕФЁДКИН. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001. 528 с.

К числу заметных событий в современной историографии античности принадлежит, бесспорно, выход из печати монографии петербургского специалиста по истории военного дела А.К. Нефёдкина. Вниманию читателей предлагается труд, целиком посвященный истории боевых колесниц у греков. Впрочем, автор в своем исследовании подвергает тщательному рассмотрению колесничное дело едва ли не всего Старого света – данное обстоятельство еще более повышает значение рецензируемой работы, так как перед нами фактически первое комплексное исследование военных колесниц в древнем мире.

Отметим, что еще в середине XIX в. была издана¹ книга по соответствующей тематике, однако данная публикация состоялась в те времена, когда научный мир еще не имел сведений о хеттской, минойской и микенской цивилизациях, многое предстояло открыть в ассириологии и других отраслях знания. Понятно, что популярная, отнюдь не научная работа подполковника Камбли давно и безнадежно устарела. В последующие полтора столетия историки ограничивались изучением частных вопросов темы военного колесничества, а так как объем выполненной ими работы был относительно невелик, то результаты публиковались в виде статей или отдельных глав в книгах. Кроме того, ряд вопросов (например военные колесницы в Киренаике) по существу никогда не выдвигался в качестве предмета самостоятельного исследования.

Однако достоинства рецензируемой монографии далеко не исчерпываются актуальностью темы. Заслуживает похвалы качество исполнения проделанной автором работы. А.К. Нефёдкин привлек большое количество источников по истории боевых колесниц: научную и художественную литературу древних греков и римлян, труды средневековых европейских писателей, восточных авторов, эпос Греции, Индии и Переднего Востока, таблички и надписи из Междуречья и Малой Азии, вазопись, вырезанные изображения на стенах, находки фрагментов колесничного снаряжения, древние модели колесниц и т.д. Впечатляющий перечень источников не только свидетельствует о добротности базы, на которую опирается исследователь, но указывает, что перед нами – наиболее полное собрание материалов и источников по боевым колесницам.

С немалой серьезностью автор отнесся к подбору историографии: список привлеченной литературы превышает 1000 наименований (из них 318 на русском языке и 700 на иностранных языках). Отметим стремление автора учесть в своей работе самую новую литературу по 2000 г. включительно.

Если бы автор ограничил свою задачу только сбором источников и историографии по избранному предмету, его книга и тогда бы имела для специалистов исключительное значение как уникальное справочное пособие. Но автор предлагает научное исследование, в котором он анализирует источники, аргументированно принимает или оспаривает существующие точки зрения (приводить здесь какие-либо примеры невозможно – количество спорных вопросов, обсуждаемых в книге, слишком велико), развивает собственное видение отдельных проблем (в качестве иллюстрации упомянем одно из наиболее важных положений, выдвинутых автором, – гипотезу о персидском происхождении серпоносных колесниц – с. 272–281, 314–327).

По нашему мнению, монография А.К. Нефёдкина удовлетворяет самым взыскательным требованиям, предъявляемым к научным трудам; добавим, что она снабжена безупречно составленным справочным аппаратом (с. 455–512).

Следует отметить и некоторые другие достоинства рецензируемой монографии, которые не только облегчают чтение для специалиста, но в известном смысле делают исследование на узкоспециальную тему доступным и интересным более широкому кругу читателей. Во-первых, во введении автор предусмотрительно отвел 10 страниц для описания конструкции колесницы и ее основных узлов, лошади как тягловой силы, а также способов упряжи – современному читателю, мало знакомому с конным транспортом, такое пояснение значительно облегчает дальнейшее восприятие монографии. Во-вторых, книга щедро снабжена иллюстративным материалом – отдел каждой из пяти глав насыщен сопровождающими текст воспроизведениями подлинных изображений типов колесниц, вооружения, схемами сражений (например, схемы к битвам при Кунаксе на с. 286, при Магнезии – на с. 301 и т.д.; схемы сражений были специально подготовлены для данной книги в основном художником А.В. Сильновым). В-третьих, книга содержит сю-

¹ *Kammbly*. Der Streitwagen: eine Geschichtsstudie nebst Verachtungen über die Eigenschaften und den Gebrauch des Streitwagens. Taktikern und Pferdliebhabern. B., 1864.

жеты, которые столь же уместны для полноты исследования, сколь и занимательны для читателя. Наиболее яркий образец – раздел приложения к главе IV "Неосуществленные проекты: от поздней античности к новому времени" (с. 375–406), где представлена сводка развития идей в области строительства колесниц начиная от заката Римской империи по XIX век включительно (излишне говорить, что этот отдел книги, как и все остальные, изобилует наглядными материалами: средневековые рисунки, современные реконструкции, схемы). Наконец, следует отметить литературный стиль автора – монография написана хорошим языком, в котором научная точность и сдержанность сочетаются с легкостью изложения.

Основную часть своего труда автор разделил на пять глав. Глава I – «Происхождение и развитие боевой колесницы» – в определенном смысле является вводной. Тем не менее, она обладает собственной ценностью. Автор стремится в условиях дефицита источников и, как следствие, пестроты в научных оценках наметить решение проблемы происхождения колесного транспорта вообще и колесницы в частности, а также их использования. Сколько-нибудь полное уяснение процесса генезиса боевой колесницы, безусловно, не может быть осуществлено без дальнейшего накопления самой разноплановой информации от археологических находок до открытия новых лингвистических фактов, но представляется справедливым вывод А.К. Нефёдкина о том, что колесницы, всего вероятнее, обязаны своим рождением синтезу двух традиций – индоевропейской, для которой характерно запряжание коня, и ближневосточной, базирующейся на колесной повозке (с. 55).

В главе II – «Боевые колесницы и колесничие в древней Греции (XVI–VII вв. до н.э.)» – автор рассматривает весь комплекс проблем, связанных с возникновением, типологией и эволюцией применения боевых колесниц в Эгейском бассейне от минойско-микенской эпохи по VII в. до н.э. Приведя малоинформативные свидетельства греческой традиции, А.К. Нефёдкин сосредоточивает внимание на анализе археологических находок и выделяет среди них группу так называемых псалиев. Скрупулезный разбор псалиев позволяет автору принять, хотя и небезоговорочно, гипотезу о северном происхождении микенских (но, подчеркнем, не минойских, происхождение которых автор выделяет в отдельную проблему) колесниц (с. 122–132).

А.К. Нефёдкин подвергает сомнению встречающееся в историографии положение о малой пригодности гористого ландшафта Греции для широкого использования колесниц в боевых условиях (с. 154). Поскольку этот принципиальный вопрос пока невозможно решить на собственном греческом материале, автор прибегает к помощи сравнительно-исторического метода, которым он широко и, заметим, успешно пользуется в своем исследовании. Добавим, что развитие военного дела в Греции показывает неправомерность попыток излишне прямолинейно увязывания географического фактора с историческими процессами: например, согласно давнему наблюдению, для такой гористой страны, как Греция, более естественной была бы тактика небольших отрядов и партизанской войны – вместо этого начиная с древнейших времен греки сражались крупными воинскими отрядами, сомкнутыми в неповоротливые фаланги.

В многовековой истории греческих колесниц автор выделяет несколько этапов: 1) эпоха микенских царств, когда колесницы составляли один из родов войск, а число колесниц в армиях исчислялось многими сотнями; 2) начало I тыс. до н.э., когда эзда на боевых колесницах практиковалась, но колесницы потеряли значение ударной военной силы, превратившись скорее в инструмент для поддержания социального престижа; 3) конец архаической эпохи, когда на смену колесницам постепенно приходят более маневренные и менее дорогостоящие верховые гоплиты, а затем и настоящие всадники.

Значительный интерес представляет раздел «Гомеровские колесницы: миф или реальность?» (с. 171–197). Историки давно обсуждают вопрос о том, следует ли считать описание применения колесниц героями «Илиады» вымыслом, может быть, навеянным реминисценциями II тыс. до н.э., или же текст поэмы правильно воспроизводит батальные сцены рубежа II–I тыс. до н.э. Тщательное исследование вопроса, в ходе которого автор в частности анализирует конструкцию гомеровской колесницы, сопоставляя для этого техническую лексику поэмы с изображениями на вазах, разбирает существующие подходы к проблеме в историографии, привлекает внимание к различным нюансам описания действий колесниц в поэме, которые, по его мнению, трудно было бы придумать, основываясь только на вымысле. Он сопоставляет также материал «Илиады» с практикой использования колесниц бриттами и на этой базе делает два последовательных вывода о том, что «...Гомер описывает реальную колесницу современной ему эпохи» (с. 181) и что изображение боя с колесницей у Гомера «...не вызывает никаких сомнений в его реальности» (с. 190).

В главе III – «Киренские колесницы и колесничие» – автор привлекает наше внимание к истории колесниц в Кирене, их происхождению, тактике и организации, т.е. поднимает вопро-

сы, специально никогда не изучавшиеся в полном объеме. А.К. Нефёдкин выделяет те факторы, которые могли предопределить появление колесничных войск в этом регионе античного мира и придали им значительный вес в общей структуре вооруженных сил Кирены. Внимательная работа с источниками, дополненная сопоставлением с материалами по использованию колесниц в Карфагене и на Ближнем Востоке, позволяет автору опровергнуть устоявшееся в науке мнение о невозможности взаимодействия фаланги с колесничными войсками и, как следствие, о неизбежном исчезновении колесниц. Напротив, опыт Кирены, как показывает А.К. Нефёдкин, демонстрирует возможность их длительного применения в боевых операциях. Некоторые идеи автора представляются небесспорными, во всяком случае не до конца объясняющими поставленные вопросы (см. ниже наши критические замечания).

Главы IV – «Серпоносные квадриги в ахеменидский и эллинистический периоды» – и V – «Колесничие серпоносных квадриг» – посвящены разработке комплекса проблем, связанных с возникновением и историей наиболее грозного (или наиболее устрашающего) оружия древности – серпоносным колесницам. На с. 271–280 автор критически анализирует все имеющиеся версии происхождения серпоносных колесниц. А.К. Нефёдкин обосновывает персидскую версию, совершенно справедливо считая ее «...единственной правдоподобной гипотезой о происхождении серпоносных колесниц» (с. 280), но при этом автор не принимает сообщение Ксенофонта о создании таких колесниц Киrom Великим для борьбы против Ассирии. Автор развивает собственное видение проблемы, а именно: серпоносные колесницы были сконструированы в конце правления Артаксеркса I (460-е годы до н.э.) с целью найти оружие против греческих гоплитов, победа которых при Эвримедонте серьезно встревожила персов. Гипотеза автора представляется ценной, но заметим, что данный вопрос пока не может быть решен столь однозначно по следующей причине: аргументация автора базируется лишь на относительно хорошо известном материале греко-персидских военных столкновений (о характере военных столкновений персов с противниками на всех прочих театрах военных действий мы в сущности не осведомлены). Автор, опираясь на имеющиеся описания греко-персидских битв, для которых засвидетельствовано участие или хотя бы присутствие на поле боя серпоносных колесниц, делает вывод о том, что эти колесницы специально были созданы персами для прорыва грозной фаланги греческих гоплитов, поскольку серпоносные колесницы, действительно, согласно источникам, использовались персидскими полководцами для атаки сомкнутого строя греческой пехоты. Но справедливо задаться вопросом – а для какой другой цели могли персы использовать колесницы, если основу неприятельской армии составляли гоплиты? Не объясняется ли применение колесниц против пехоты стремлением персов собрать все наличные (не обязательно специально для этого созданные) силы и средства, дабы противостоять опасному врагу? Подчеркнем, что мы этого не утверждаем, а лишь хотим показать многозначность проблемы. Конечно, у нас практически нет сведений о применении персами серпоносных колесниц, например, против индийских колесниц, но отсутствие таких сведений еще не дает оснований полагать, что подобной практики не могло существовать. Нам думается, что тезис о создании серпоносных колесниц с конкретной целью – опрокинуть греческую фалангу – нуждается в дальнейшем подкреплении материалами.

Далее А.К. Нефёдкин рассматривает целую группу вопросов, с разных сторон проливающих свет на эволюцию серпоносных колесниц – изменение конструкции от ахеменидской эпохи ко времени Селевкидов, развитие защитного и наступательного вооружения, исследует систему набора и снабжения колесничных войск. Особый интерес вызывает параграф, где анализируются состав и численность экипажа серпоносной колесницы. Констатируя полный разброд, который царит в науке по данной проблеме, автор обращается к оставшимся без должного внимания свидетельствам античных писателей (Ксенофонта, Арриана, Псевдо-Каллисфена, Курция Руфа и Юлия Валерия), корректное прочтение которых с достаточной ясностью позволяет считать вопрос о количестве членов экипажа исчерпанным (с. 432).

В заключении исследователь предлагает периодизацию истории боевых колесниц в древности (с. 449) и отдельно – периодизацию для древней Греции (с. 452). Подчеркнем, что его периодизации – первый опыт подобного рода в историографии.

Монография А.К. Нефёдкина содержит и некоторые недочеты, но наши замечания касаются в основном моментов, которые не имеют принципиального значения. Начнем с курьеза. Первые главы книги в основе своей содержат текст диссертации, которую автор защитил в начале 1998 г. Нам хорошо известно, что А.К. Нефёдкин внес немало исправлений в этот текст и значительно дополнил его. Тем более досадной выглядит перешедшая в книгу квалификация предлагаемой работы как диссертации (с. 21). Явный догматизм автор проявляет на с. 40, когда пытается отделить урбаническую культуру (видимо, опечатка, должно быть – ур-

банистическую) от культуры каменного и медного века. Но урбанизация в Передней Азии, а также в Египте имела место как раз в эпоху так называемого медного века.

На с. 137 А.К. Нефёдкин пишет: «Видимо, в XIV в. в столичном городе Кноссе были размещены не все, но большинство колесниц царства». На чем основано это утверждение, не совсем ясно, ведь у нас нет сведений ни относительно общей численности колесничных сил на Крите, ни о их дислокации. Все, чем мы располагаем, – кносский архив, который не отражает, да и не может отражать общей картины (кстати, на с. 153 автор отвергает рассуждения А. Эванса о возможной причине концентрации колесничных сил в Кноссе). Между тем, резонно задуматься, насколько могло быть оправданным содержание основной массы колесниц – ударной силы ахейской армии – в столице. Ахейцы контролировали отнюдь не весь Крит; их влияние ограничивалось центральной частью острова, а если так, то между ахейцами и минойцами из непокоренных областей, могли происходить столкновения. Следовательно, необходимо считаться с возможностью иной расстановки вооруженных сил: крупные группировки ахейских войск с колесницами могли быть размещены не в сравнительно безопасном Кноссе, а ближе к окраинам ахейских владений.

Допускает автор неточность или, может быть, излишнюю прямолинейность при оценке греческой вазописки как источника по истории колесниц: на с. 200 читаем: «...с XII по середину VIII в. не сохранилось изображений упряжек, поскольку люди и животные вообще не изображались на вазах». Образцов греческой вазописки XII–IX вв. до н.э. уцелело очень немного, и датировка их служит предметом для периодически возобновляющейся дискуссии. Тем не менее, заявление автора, на наш взгляд, чересчур безоговорочно, так как, во-первых, анализ имеющихся экземпляров не окончен и мы еще можем ожидать новых открытий, во-вторых, необходимо помнить о возможности дальнейших находок, которые способны, как это нередко бывало в истории науки, существенно поколебать современные оценки, и, в-третьих, если уж автор не склонен принимать ранние (IX в. до н.э.) датировки некоторых находок (чем, надо полагать, и вызвано его утверждение), то можно обратиться к материалу с острова Крит, где найден terracotted ритон с изображением быков предположительно XI в. до н.э.

Определенные сомнения вызывают доводы автора, выдвинутые против греческого происхождения киренской боевой колесницы (исследователь развивает положение о заимствовании киренцами этого вида боевой техники у ливийцев). Трудно не согласиться с А.К. Нефёдкиным, когда он пишет, что «...о наличии боевых упряжек у дорийцев периода их переселения и эпохи, последовавшей за ним, у нас нет сколько-нибудь надежных данных» (с. 224). Но отсутствие данных, тем более сколько-нибудь надежных, еще не доказывает, что боевых упряжек у дорийцев не существовало. Нельзя признать вполне убедительным также и следующее пояснение: «А на небольшом острове, каковым была Фера, колесницы не могли быть распространены» (с. 224–225). Но сам автор неоднократно отмечал, что колесницы в архаической Греции, помимо военной, выполняли представительскую функцию. Следовательно, при отсутствии серьезной военно-практической надобности и без надлежащих географических условий (ландшафт изрезанной хребтами материковой Греции тоже вроде бы не способствует развитию колесничного дела) колесницы могли бытовать на Фере как знак высокого социального статуса. Кроме того, после основания Кирены коллектив колонистов пополнили выходцы из Пелопоннеса и других областей Греции (Herod. IV. 161), а там традиции использования колесниц сохранялись еще, по крайней мере, в VII в. до н.э. (см. главу II рецензируемой монографии). Заслуживает внимания, на наш взгляд, и рассказ Геродота (IV. 162) о пребывании киренской царицы Феретимы на Кипре – регионе греческого мира, где колесничные традиции имели прочные и глубокие корни. Мы не беремся судить, насколько давними могли быть киренско-кипрские отношения и сыграли ли они какую-либо роль в становлении колесничества у киренцев, но данный аспект межполисных связей, наверно, стоило попытаться рассмотреть.

Не бесспорными выглядят утверждения автора о неразвитости «...в данный период искусства верховой езды ... у дорийцев» и о том, что «...еще в первой половине VI в. не была распространена настоящая конница, а существовали верховые гоплиты» (с. 227). Но античные писатели сообщают о корпусе «всадников» в классической Спарте и на Крите (Herod. I. 67; VI. II. 124; Thuc. V. 72. 4), при этом их название и прямое указание традиции на связь этого названия с древними реалиями (Strabo. X. 4. 18), а также наблюдения современных ученых относительно несомненной архаичности этого общественного подразделения² позволяют предполагать наличие у дорийцев доклассического времени верховых отрядов.

Несколько поверхностным, на наш взгляд, представляется и объяснение тех причин, которые обусловили сохранение за колесничными силами в Кирене их роли уже после того, как

² См., например: Андреев Ю.В. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24–36.

конница была инкорпорирована в армии средиземноморских государств. А.К. Нефедкин вслед за Ф. Шаму утверждает, что колесницы были необходимы киренцам для отражения «молниеносных набегов ливийцев, продолжавших применять колесницы в военном деле» (с. 231). Но сам автор неизменно отмечает превосходство конницы над колесничными войсками, во-первых, по боевым характеристикам (повышенная маневренность, высокие скоростные качества) и, во-вторых, с экономической точки зрения (относительно умеренные расходы на содержание). Получается, что киренцы предпочитали отражать внезапные набеги врага менее подвижными и более дорогостоящими, чем уже известная им конница, колесничными войсками – ср. вывод на с. 267: «Наличие постоянных противников – ливийцев, сражающихся на упряжках, диктовало необходимость адекватного противостояния им». Но тогда не совсем ясно, почему все же конница повсеместно заменила колесницы. Видимо, понимая недостаточность предложенного объяснения, автор добавляет: «...киренцы не отказывались от использования боевых колесниц и в силу уже сложившейся военной традиции» (с. 231). Мы согласны с автором в том, что «...поскольку мы не располагаем достаточной информацией, довольно сложно объяснить консервативность в развитии военного дела у жителей Пентаполиса» (с. 267), но, думается, этот вопрос следовало рассмотреть более подробно, не ограничиваясь рамками одного абзаца.

А.К. Нефедкин представил первое в историографии специальное (и добавим – превосходно выполненное) исследование о боевых колесницах в Кирене (глава III) и о серпоносных колесницах на Востоке (главы IV и V). Но при этом автор воздержался от выделения в качестве самостоятельного объекта исследования истории военного колесничества на Кипре, аргументируя свое решение тем, что «кипрский материал ... следует рассматривать в контексте ближневосточного развития боевых колесниц» (с. 26). Однако греки Кипра едва ли могут быть запросто «пристегнуты» к ближневосточному культурному ареалу. В результате же материал по Кипру – еще одному уникальному региону, где колесницы длительное время использовались на войне, – фактически оказался рассыпанным по всей монографии. Более того, может быть, именно эта раздробленность материала помешала автору увидеть в традиции военного колесничества на Кипре не только культурное влияние Востока, но и элементы самобытности.

Отметим еще один момент. Монография содержит термины из самых разных областей знания (например, по военному делу – двушереножная линия и др., по биологии – эквид, онагр и т. д.). Автор немало сделал для того, чтобы придать своему строго научному исследованию доступный характер. Но восприятие книги еще более выиграло бы благодаря появлению небольшого словаря используемых терминов.

В заключение мы хотим вновь подчеркнуть, что рецензируемая монография – первый в историографии опыт фундаментального исследования о боевых колесницах, и мы с глубоким удовлетворением можем констатировать, что этот первый опыт оказался более чем успешным.

А.Г. Курилов

© 2003 г.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮЖНОЙ АЗИИ

(*D.P.M. WEERAKKODY. Taprobanē. Ancient Sri Lanka as Known to Greeks and Romans. Tunrhout, 1997; Origin and Circulation of Foreign Coins in the Indian Ocean / Ed. O. Voparachchi and D.P.M. Weerakkody. New Delhi, 1998).*

Отношения мира античной культуры с Южной Азией, отражение Индии и Шри-Ланки в греческой и римской литературе, восточная торговля Римской империи остаются активно изучаемой тематикой как в антиковедении, так и в востоковедении. Некоторые труды по дан-